

Т. А. Гончарова

ОБРАЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННЫХ СИБИРЯКОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕМУАРНЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рассматривается образ исторической родины, сформировавшийся в исторической памяти сибирского населения. Одной из форм сохранения и трансляции этого образа являются различного рода мемуарные тексты, ставшие источниковой базой для данного исследования. Анализируются воспоминания, написанные жителями томского региона во второй половине XX – начале XXI в. По своему происхождению авторы повествований являются детьми пореформенных переселенцев и спецпоселенцев 1930-х гг. Рассмотрение образа исторической родины происходит в пространственно-временных координатах, определяемых структурой исторической памяти. В результате автором статьи сделаны выводы о том, что образ исторической родины в мемуарных текстах вырисовывается в пространственных координатах, имеющих региональное измерение. Он дополняется характеристиками природно-климатических условий и социально-экономического развития. Историческая родина в воспоминаниях выявляется как географический регион с историческим прошлым, ставший частью биографии семьи. Обращение к мемуарным текстам показало некоторое отличие в восприятии образа исторической Родины в зависимости от принадлежности к добровольным или вынужденным переселенцам. Образ исторической Родины в воспоминаниях спецпереселенцев рисуется исключительно в позитивном русле. Закрепление положительного образа в исторической памяти этой группы переселенцев связано с культурной травмой, нанесенной в результате принудительного переселения, а также тяготами и лишениями, связанными с обустройством на новом месте. Более мозаичным в плане оценок выглядит образ исторической родины в текстах потомков пореформенных переселенцев. В них при преобладании положительных характеристик встречаются и «недостатки», ставшие причиной переселения. Несмотря на некоторую временную и территориальную отдаленность родины предков, ощущаемую современными сибиряками, она воспринимается в качестве родного пространства, исторической родины, с которой они прочно связаны.

Ключевые слова: историческая родина, историческая память, пореформенные переселенцы, спецпоселенцы, Сибирь, Томская область, мемуары

В современном сибирском обществе, сформировавшемся за счет разновременных миграционных потоков, один из маркеров этнокультурной идентичности связан с соотносением с определенной переселенческой группой – пореформенными переселенцами, спецпоселенцами («раскулаченными») или депортированными. Обретение новой родины не стерло память об исторической родине у переселенцев. Семейная межпоколенная связь стала надежным каналом передачи и сохранения сведений о родине предков. В бережно хранимых семейных историях они дошли до нынешних поколений, сыграв важную роль в формировании исторической памяти современных сибиряков.

Различные аспекты исторической памяти сибиряков уже привлекали внимание исследователей. Прежде всего обращение к этой теме имеет место в исследованиях, посвященных переселению в Сибирь и адаптации. Особенности исторической памяти русских Сибири, касающейся образования поселений, рассматривает в своей статье А. Ю. Майничева (Майничева, 2014), способы экологической и социокультурной адаптации русских старожилов и переселенцев в Сибири – Г. В. Любимова (Любимова, 2018). Как отмечает Т. К. Щеглова, во временных конфигурациях информация в исторической памяти хранится в двух видах: в случае удаленного прошлого – в виде мифологизированных преданий, семейных легенд и былей, в случаях недавнего прошлого – в виде «life story» непосредственных участников, полученной путем опроса и фиксации нарратива (Щеглова, 2017: 25). Именно второй вид информации стал основой для многочисленных исследований, посвященных изучению системы жизнеобеспечения сибирского населения (Логунова, Черняева, 2000; Щеглова, 2014). Конечно, вышеназванные работы являются лишь скромной частью исследований, затрагивающих историческую память сибирского населения. Однако удалось заметить, что тема исторической родины

в них затрагивается лишь косвенно. Специального изучения образа исторической родины в исторической памяти сибиряков не проводилось.

Обращение к понятию «историческая родина» показало, что разработано оно применительно к диаспорам. В. А. Тишков, относя историческую родину к основным признакам диаспоры, отмечает, что исторические групповые миграции, дрейф самой этнической идентичности и подвижность политической лояльности затрудняют определение «исторической родины». Обычно под родиной имеется в виду регион или страна, где сформировался историко-культурный облик диаспорной группы и где продолжает жить основной культурно-схожий с ней массив (Тишков, 2003: 443).

Обозначенный таким образом теоретический подход применим к диаспорным группам, которые в том числе сформировались в Сибири в пореформенный период. Однако он не распространяется на другую группу сибирского населения – спецпоселенцев, высланных в 1930-е гг. на основе социального фактора, а не этнического.

Однако в исторической памяти потомков спецпоселенцев имеется довольно четкое представление о потерянной родине. Конечно, в ряде случаев речь идет о детях, высланных вместе с родителями и сохранивших память о потерянной ими малой родине, под которой можно понимать «место рождения индивида, проживающего ныне в другой географической точке своей Родины, но сохранившего воспоминания о родном гнезде» (Артановский, 2012: 6). Однако чаще в исторической памяти спецпоселенцев содержатся сведения о малой родине их предков, о тех местах, где они не только не родились и даже зачастую никогда не бывали. Мы имеем дело не просто с образом малой родины, отраженной в индивидуальной исторической памяти, а образом потерянной исторической родины, который сформировался в групповой идентичности спецпоселенцев.

Одной из форм сохранения и трансляции образа исторической родины являются различного рода персональные тексты. К их числу можно отнести письма, дневники, автобиографии, мемуары. В них оказывается запечатленным индивидуальный опыт и тот или иной уровень его осмысления (Репина, 2001: 344), то, что отражает индивидуальную историческую память. Однако анализ источников личного происхождения позволяет выйти на групповой уровень, поскольку коллективная (групповая, страновая, национальная, локальная, глобальная) историческая память включает индивидуальную, но не как механическую сумму представлений отдельных личностей, а как обобщенный образ этих представлений, принимаемый и узнаваемый всеми (Мазур, 2013: 245).

Источниковую базу данного исследования составили мемуарные тексты жителей томского региона, написанные во второй половине XX – начале XXI в. Авторы повествований по своему происхождению являются детьми пореформенных переселенцев и спецпоселенцев 1930-х гг.*

Стоит отметить, что информация об авторах и истории создания произведений значительно разнится. Семейную историю под названием «Быль о родных» написал Александр Андреевич Малиновский, уроженец ныне исчезнувшего украинского села Бороковка Асиновского района Томской области, более известного как Чесноки. Его родители были выходцами из Украины, первопоселенцами этого села. А. А. Малиновский не датировал «Быль о родных». Не удалось получить сведений о времени создания этого произведения и у родственников автора. Можно предположить, что оно было написано приблизительно в 1980–90-е гг. Основанием так считать служат косвенные свидетельства, содержащиеся в самом тексте. Возможно, что выход на пенсию и появление свободного времени подтолкнули автора взяться за перо. Особый колорит семейной истории «Быль о родных» А. А. Малиновского придает ее стихотворная форма. Возможно, с художественной точки зрения произведение выглядит довольно

* К настоящему моменту в Томской области не удалось обнаружить мемуарных текстов, авторы которых по своему происхождению были бы депортированными или их потомками.

наивно, однако творческий подход автору к реализации своего замысла, бесспорно, заслуживает уважения и выделяет такой текст среди аналогичных. Авторский текст составляет двенадцать листов школьной тетради (Гончарова, 2019: 86).

Местом хранения произведения А. А. Малиновского долгое время являлся семейный архив его племянницы Т. М. Потрошковой. К сожалению, к настоящему времени оригинал текста утрачен, а копия, с согласия родственников, находится в личном архиве Т. А. Гончаровой. В 2019 г. «Быль о родных» была опубликована в сборнике мемуарных текстов жителей Томской области «Я вам, родные, излагаю быль» в рамках проекта РФФИ «Этническая история томских деревень в XX в. сквозь призму персональных текстов местных жителей» (Малиновский, 2019: 41–65).

Еще одно стихотворное произведение было создано жительницей с. Тегульдет Томской области Екатериной Романовной Хариной. В 1930-е гг. она вместе с родителями была выслана из Башкирии в Сибирь, в Томскую область. В 1990–1991 гг. она написала, по ее собственному выражению, «поэму». Оригинал воспоинай включает 12 машинописных листов. Он хранится в архиве сына автора В. И. Харина, проживающего в с. Тегульдет Томской области. В 2019 г. воспоминания Е. Р. Хариной также опубликованы в рамках вышеназванного проекта РФФИ (Харина, 2019: 68–91).

Реализация Томским областным краеведческим музеем проекта «Сибиряки вольные и невольные» предоставила жителям региона уникальную возможность разместить свои воспоминания на сайте. Так, в 2015 г. частично были опубликованы воспоминания Феоктисты Никифоровны Рябчиковой – жительницы Чаинского района Томской области, родители которой были сосланы в Сибирь с Алтая в 1930 г. (Рябчикова, 2015). В полном объеме рукописный текст объемом 6 страниц, датированный 2008 г., хранится в домашнем архиве ее дочери – В. Д. Банниковой (с. Варгатер, Чаинский район, Томская область). Она же и разместила фрагменты текста на сайте ТОКМ.

В 2019 г. на этом же сайте была размещена автобиография, написанная жителем г. Асино Томской области Василием Филипповичем Браневским, сыном пореформенных переселенцев. В конце XIX в. его родители обосновались в пос. Ксеньевский (впоследствии г. Асино). Текст представлен в двух версиях: официальная и версия, написанная В. Ф. Браневским для детей и внуков. Примечания в тексте сделаны внучкой В. Ф. Браневского – Ниной Михайловной Браневской, она и разместила текст на сайте. Электронный документ объемом более 40 страниц, кроме повествовательной части, включает много наглядного материала – фотографии, карты, схемы. Мемуарный текст датирован 1963 г. (Браневский, 2019).

В 2011 г. вышло в свет автобиографическое произведение жителя Первомайского района Виктора Максимовича Шестакова, родители которого были высланы в Томскую область в начале 1930-х гг. (Шестаков, 2011).

Еще одно произведение мемуарного характера, посвященное истории родного села, было опубликовано в 2015 г. (Веретено, 2015). В центре внимания история поселка спецпоселенцев Захарково. Автором идеи и руководителем проекта стал Василий Ануфриевич Веретено, семья которого была выслана в Сибирь из Молдавии. Работа включает воспоминания многих жителей этого села.

Конечно, разного рода мотивы побудили авторов с непохожими личными и семейными биографиями взяться за написание мемуаров. В центре внимания оказались различные сюжеты, однако в каждом из воспоминаний нашлось место для далекой родины предков, о которой хотелось поведать другим людям.

Исследовательская проблема образа исторической родины сложна и многогранна. В данном исследовании мы обращаемся к образу исторической родины не просто бытующему среди современных сибиряков, но и сознательно транслируемому в публичное пространство.

Подобная постановка вопроса определяется спецификой привлекаемой источниковой базы. Речь идет о написанных по собственной инициативе авторов воспоминаниях,

которые они сделали достоянием общественности. При всем кажущемся стремлении «писать для себя» у всех авторов есть свой читатель. Специалисты отмечают, что для автора будущий читатель несомненен. Причем этот гипотетический читатель, по-видимому, мыслится автором дистанцированным от последнего во времени (потомки) и/или в пространстве, географическом и культурном (столичные, грамотные люди) (Лурье, 2001: 24).

Среди рассматриваемых мемуаров встречаются как адресованные родственникам, так и в целом будущим поколениям. «Посвящаю эту мою биографию вам, мои дорогие дети и внуки», – пишет В. Ф. Браневский (Браневский, 2019). «Пишу Вам мои родные», – обращается в своей семейной истории А. А. Малиновский, делая при этом ремарку «чужим нет секрета»* (Малиновский, 2019: 41). Кроме того, как выше уже отмечалось, основная часть текстов опубликована либо размещена на официальных сайтах. Тем самым очевидно желание авторов сделать свое произведение доступным для читателя.

В информационном плане историческая память обладает временной и пространственной структурой (Мазур, 2013: 245), в которой и будет рассматриваться образ исторической родины. Анализ мемуарных текстов показал, что историческая родина у современных жителей томского региона ассоциируется с вполне конкретными пространственными границами. В значительной части рассматриваемых воспоминаний имеются сведения, в ряде случаев довольно точные, о месте рождения и проживания родственников авторов до переселения в Сибирь. Более того, в воспоминаниях потомков пореформенных переселенцев, написанных в жанре семейной истории, сюжет о переселении их предков в Сибирь зачастую служит в качестве отправной точки повествования. Чаще всего встречается следующий прием повествования: «Мои родители, отец и мать, родились и жили до 1899 года в Белоруссии, в бывшей Виленской губернии Дисненского уезда Залесской волости деревня Глинская» (Браневский, 2019).

Разнится объем информации о местах выхода в воспоминаниях детей из семей спецпоселенцев, причем независимо, родился там автор или нет. Так, довольно подробные сведения содержатся в воспоминаниях Е. Р. Хариной. О месте своего рождения она говорит так: «В Башкирии родилась я, в селе, которое “В честь “Соломона” назвалось» (Харина, 2019: 69). В воспоминаниях В. А. Веретено, рожденного в Сибири, содержится отдельная глава над названием «Плоть», посвященная истории родного села его отца в Молдавии (Веретено, 2015: 78). В некоторых мемуарах этот сюжет представлен довольно скромно. Так, упоминается, что «отец мой родом с Алтая» (Рябчикова, 2015), или «местом рождения деда был Красноярский край» (Шестаков, 2011: 8).

Пространственные координаты в воспоминаниях дополняются характеристикой природно-климатических условий родины предков. Так, Башкирия – это место, где можно найти «И земли плодородные, / Не только земли и леса, / А все дары природные» (Харина, 2019: 69). Образ «плодородной Молдавии», где «зелень деревьев, холмистые склоны, участки виноградников» до сих пор живет в памяти семьи Веретено (Веретено, 2015: 74).

Один из приемов художественного выражения, который позволял более рельефно подчеркивать благоприятные условия на исторической родине, – противопоставление с Сибирью. Так, А. А. Малиновский, повествуя о переселении своих родителей из Украины в Сибирь, отметил, что они «меняли тепло и фрукты на рожь и холод» (Малиновский, 2019: 41).

Также пространственные границы исторической родины сопровождаются социально-экономическими характеристиками. Вполне закономерно, что, по сути, вынужденное переселение в Сибирь в пореформенный период было связано с трудностями на исторической родине. Как пишет в своей семейной истории А. А. Малиновский, «...Гнали крестьян с / Украины Столыпин и голод». Встречается на страницах его произведения и образ «хилой хаты», которую его отец оставил на Украине (Малиновский, 2019: 41–42). Вот еще один пример

* При цитировании произведений А. А. Малиновского и Е. Р. Хариной сохраняется авторская орфография, пунктуация и разбивка на строфы.

описания жизни отца до переселения в Сибирь: «Отец жил в большой семье. Так как их было три брата, а земли на всех было всего 5 гектар, жили бедно, и не было ничего хорошего впереди. <...> Чтобы улучшить жизнь, отец в 1899 году переехал жить в Сибирь ...» (Браневский, 2019). Проблему социального неравенства и угнетения весьма поэтично подчеркнул А. А. Малиновский: «Видно всюду так ведется / нужен перелом, что один потеет / в поле, другой за столом» (Малиновский, 2019: 41).

На этом фоне более благополучной выглядит жизнь спецпоселенцев на исторической родине: «Отец мой, Трубачев Никифор Дмитриевич, родом с Алтая. <...> Жили своим хозяйством, имея 2 лошадей, 2 коров, да кое-какую мелкую живность. Самым большим богатством была пасека в несколько ульев. <...> Жили, как и большинство в селе» (Рябчикова, 2015). Хозяйство семьи в Башкирии до переселения в Сибирь, как вспоминает Е. Р. Харина, включало несколько коров, лошадей, а также свиней, овец, кур (Харина, 2019: 70).

Образ исторической родины дополняется социальными портретами. На страницах воспоминаний мы видим ответственных, трудолюбивых, умелых предков, которыми авторы текстов явно гордятся: «Со слов моего деда, Шестакова Василия Яковлевича, его отец принадлежал к сословию крепостных ремесленников. <...> на всю округу он слыл “элитным шорником” (Шестаков, 2011: 8), «отец с детства начал ходить работать к помещикам чернорабочим и научился продольной пилой резать доски» (Браневский, 2019), «Отец умел все делать сам / он не страдал без дел от скуки / стекольник плотник и маляр / он мастер редкий на все руки / Таких в Сибирь прибыло много / “хохлов” – потомков каззаря» (Малиновский, 2019: 43), «Отец коров трех держал, / Да пару лошадей, да кур, овец, еще свиней / На семью шестерых детей, / А чтоб работников держать и не было в помине / <...> / И председателем вол. Исполкома был, / И организатором колхозов» (Харина, 2019: 70). Конечно, повествование о родных людях сопряжено с эмоциональными переживаниями, поэтому их описание зачастую выглядит очень трогательно: «Отец очень любил пчелок, называя их большими труженицами. Разговаривал с ними» (Рябчикова, 2015).

Представленный на страницах воспоминаний образ исторической родины имеет временную локализацию. К сведениям, позволяющим выстроить временные координаты, можно отнести даты рождения предков, даты их переезда в Сибирь, указание степени родства автора к ним. Можно привести наиболее распространенные варианты повествования: «Мои родители, отец и мать, родились и жили до 1899 года в Белоруссии» (Браневский, 2019), «В 1861 г. родился мой дед ...» (Шестаков, 2011: 8). В. А. Веретено упоминает в своем повествовании XV в. – время образования родного села его предков в Молдавии (Веретено, 2015).

Указываются в мемуарах и даты, к которым авторы имели непосредственное отношение. Так, Е. Р. Харина, которой к моменту выселения было 8 лет, пишет: «Вот тридцать третий год настал, / Когда нас растрепали / Сначала отобрали все, / Потом уже сослали» (Харина, 2019: 70).

Отдельно хотелось бы немного остановиться на вопросе о степени близости родины предков для современного сибиряка. С одной стороны, сам факт включения сюжета о родине в воспоминания, а также представленные там положительные образы являются явными свидетельствами близости и родства с ней. Однако, с другой стороны, встречается ощущение некоторой дистанции, зафиксированной прежде всего во временных рамках. Кроме примеров вышеназванных дат, уводящих в глубину веков, встречаются и другие способы выражения отдаленности. Так, в «Были о родных» А. А. Малиновский, описывая переселение родителей в Сибирь, подчеркивает «давным-давно то было на / стыке двух веков» (Малиновский, 2019: 41). Также основанием для рассуждений в этом русле может служить включение в повествование сюжета о дороге, которая может выступать как символический разрыв с прежней жизнью и местом. В повествовании А. А. Малиновского его отец во время долгой дороги в Сибирь погружается в воспоминания о своей молодости, знакомстве с женой: «Вспомнил как пришел в / село чужое к соседям делать / печь. внутри ее варят обед, / а сверху можно лечь / И помо-

гала печь ложить ему одна / девчина, она красива и стройна / а звали Василина...» (Малиновский, 2019: 42). Подробное описание дороги, занявшее не одну страницу повествования, можно встретить и у Е. Р. Хариной (Харина, 2019: 71–75).

Таким образом, образ исторической родины в мемуарных текстах вырисовывается в пространственных координатах, имеющих региональное измерение. Он дополняется характеристиками природно-климатических условий и социально-экономического развития. Историческая родина в воспоминаниях выявляется как географический регион с историческим прошлым, ставший частью биографии семьи.

Обращение к мемуарным текстам показало некоторое отличие в восприятии образа исторической Родины в зависимости от принадлежности к добровольным или вынужденным переселенцам. Это объясняется свойствами исторической памяти, которая по своему содержанию мифологична, вариативна, имеет в том числе и социальные особенности (Мазур, 2013: 245). Образ исторической Родины в воспоминаниях спецпереселенцев рисуется исключительно в позитивном русле. Закрепление положительного образа в исторической памяти этой группы переселенцев связано с культурной травмой, нанесенной в результате принудительного переселения, а также тяготами и лишениями, связанными с обустройством на новом месте. Стоит подчеркнуть, что мифологизация образа исторической родины отмечается и у депортированных в Сибирь. Так, О. М. Рындина пишет, что у депортированных в Нарымский край немцев произошла явная мифологизация образа покинутой родины, ставшая средством психологической адаптации к адским условиям депортации и выживания на новом месте: идеализированная память о прежней жизни согревала душу и давала силы выстоять в суровом и безжалостном настоящем (Рындина, 2018: 164–165).

Более мозаичным в плане оценок выглядит образ исторической Родины в текстах потомков пореформенных переселенцев. В них при преобладании положительных характеристик встречаются и «недостатки», ставшие причиной переселения.

Несмотря на некоторую временную и территориальную отдаленность родины предков, ощущаемую современными сибиряками, она воспринимается в качестве родного пространства, исторической родины, с которой они прочно связаны.

Литература:

- Артановский С. Н.** Понятие Родины: современные модификации // Вестник СПбГУКИ. 2012. № 3 (12). С. 6–10.
- Браневский В. Ф.** Моя автобиография. 2019 // Сибиряки вольные и невольные: сайт мемориального проекта. URL: <https://xn--90anbaj9ad0j.xn--80asehdb/documents/moya-avtobiografiya/> (дата обращения 1.10.2022).
- Веретено В. А.** Жили были в Захарково. Новосибирск: Приобские ведомости, 2015. 352 с.
- Гончарова Т. А.** Семейная история украинских переселенцев в Сибири сквозь призму персонального текста // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2019. Вып. 3 (25). С. 85–93.
- Гончарова Т. А., Грошева Г. В.** Персональные тексты жителей деревень Томской области последней четверти XX – начала XXI в. в дискурсе этнической истории: общая характеристика и систематизация // Вопросы национальных и федеративных отношений. Выпуск 2(47). 2019. Том 9. С. 107–119.
- Логунова Л. Ю., Черняева И. А.** Повседневная культура жизнеобеспечения в социальной памяти сибиряков // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всерос. научно-теорет. конф., посвященной памяти доктора исторических наук, профессора Всеволода Ивановича Дулова (Иркутск, 28 апреля 2020 г.). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. С. 148–155.
- Лурье М. Л.** О феномене «наивного» сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 15–28.
- Любимова Г. В.** Русские Сибири: проблемы экологической адаптации аграрных переселенцев конца XIX — начала XX века // Баландинские чтения. 2018. Т. XIII. С. 518–522.
- Мазур Л. Н.** Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.

- Майничева А. Ю.** Образование поселений в исторической памяти русских // Баландинские чтения. 2014. С. 64–66.
- Малиновский А. А.** Быль о родных // Я вам, родные, излагаю быль...: сб. мемуарных текстов жителей Томской области / сост. Т. А. Гончарова, Г. В. Грошева. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2019. С. 41–65.
- Рындина О. М.** Образ Сибири в коллективных переживаниях российских немцев // КУНСТКАМЕРА. 2018. № 2. С. 162–168.
- Рябчикова Ф. Н.** Всем было не сладко. 2015 // Сибиряки вольные и невольные: сайт мемориального проекта. URL: <https://xn--90anbaj9ad0j.xn--80asehdb/documents/vsem-bylo-ne-sladko/> (дата обращения 10.10.2022).
- Репина Л. П.** Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение Истории. Человек – Память – Текст. Казань: Изд-во КГУ, 2001. С. 344–360.
- Тишков В. А.** Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
- Харина Е. Р.** [Без названия] // Я вам, родные, излагаю быль...: сб. мемуарных текстов жителей Томской области / сост. Т. А. Гончарова, Г. В. Грошева. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2019. С. 68–91.
- Шестаков В. М.** Крутые повороты (А как это было?). Первомайское [Томская область]: Изд-во Томского ЦНТИ, 2011. 154 с.
- Щеглова Т. К.** Жилище раскулаченных и депортированных в условиях принудительных переселений 1920–1940-х годов: материал, технологии и типы по устным историческим источникам // Материалы междунар. науч.-практич. конф. «Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20-х – начале 50-х годов XX века» 30–31 мая 2014 года: Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2014. С. 554–571.
- Щеглова Т. К.** Социокультурная и хозяйственная адаптация столыпинских переселенцев на Алтае на протяжении 1910–1980-х годов: стратегии и результаты (по материалам полевых исследований) // Вестник алтайской науки. 2014. № 1. С. 252–257.
- Щеглова Т. К.** Устная история (Oral history) как метод и источник этнографических исследований сельского населения в контексте исторических событий XX – начала XXI столетий // Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: сб. науч. ст. и источников. Барнаул: АлтГПУ, 2017. С. 22–39.

Гончарова Татьяна Александровна.

Кандидат исторических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.

E-mail: gta.76@mail.ru

Материал поступил в редакцию 29 ноября 2022 г.

T. A. Goncharova

THE IMAGE OF THE HISTORICAL MOTHERLAND IN THE HISTORICAL MEMORY OF MODERN SIBERIANS THROUGH THE PRISM OF THE MEMOIRS (BASED ON THE MATERIALS OF THE TOMSK REGION)

The article examines the image of the historical motherland formed in the historical memory of the Siberian population. Memoirs are one of the forms of preservation and translation of this image. The different types of memoir texts form the source base of this study. The memoirs written by residents of the Tomsk region in the second half of the XX–beginning of the XXI century are analyzed. The authors of the narratives are the children of post-reform migrants and special settlers of the 1930s. The image of the historical homeland is considered in the spatiotemporal coordinates determined by the structure of historical memory. The author of the article concludes that the image of the historical homeland in the memoir texts appears in spatial coordinates that have a regional dimension. The features of natural and climatic conditions and socio-economic development complement it. The historical homeland appears in the memoirs as a geographical region with a historical past that became part of the family's biography. A look at the texts of the memoirs showed that the image of the historical homeland is perceived differently depending on whether they are voluntary migrants or displaced people. The image of the historical homeland in the memoirs of the special migrants is painted exclusively in a positive light. The anchoring of a positive image in the historical memory of this group of migrants is related to the cultural trauma caused by forced resettlement and the hardships associated with settling in a new place. On the other hand, the image of the historical homeland in the texts of the descendants of the post-Reformation settlers is rather mosaic. Although the positive features predominate, some “shortcomings” are also mentioned. Despite a certain temporal

and territorial distance of the ancestral homeland felt by modern Siberians, it is perceived as a native space, a historical motherland with which they are firmly connected.

Keywords: *historical motherland, historical memory, post-reform migrants, special settlers, Siberia, Tomsk region, memoirs*

References:

- Artanovskiy S. N.** Ponyatiye Rodiny: sovremennyye modifikatsii [The concept of the Motherland: modern modifications] // Vestnik SPbGUKI. 2012. No. 3 (12). P. 6–10 (in Russian).
- Branevskiy V. F.** Moya avtobiografiya. 2019 [My autobiography. 2019] // Sibiryaki vol'nyye i nevol'nyye: sayt memorial'nogo proyekta. URL: <https://xn--90anbaj9ad0j.xn--80asehdb/documents/moya-avtobiografiya/> (accessed: 1.10.2022).
- Vereteno V. A.** Zhili byli v Zakharkovo [We lived in Zakharkovo]. Novosibirsk: Priobskiy vedomosti, 2015. 352 s.
- Goncharova T. A.** Semeynaya istoriya ukrainskikh pereselentsev v Sibiri skvoz' prizmu personal'nogo teksta [Family history of Ukrainian settlers in Siberia through the prism of a personal text] // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2019. No. 3 (25). P. 85–93 (in Russian).
- Goncharova T. A., Grosheva G. V.** Personal'nyye teksty zhitel'ey dereven' Tomskoy oblasti posledney chetverti XX–nachala XXI v. v diskurse etnicheskoy istorii: obshchaya kharakteristika i sistematizatsiya [Personal texts of the inhabitants of the villages of the Tomsk region in the last quarter of the 20th–early 21st centuries in the discourse of ethnic history: general characteristics and systematization] // Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy. 2019. Vol. 9, No. 2(47). P. 107–119 (in Russian).
- Logunova L. Yu., Chernyayeva I. A.** Povsednevnyaya kul'tura zhizneobespecheniya v sotsial'noy pamyati sibiryakov [Everyday culture of life support in the social memory of Siberians] // Sibir' v izmenyayushchemsya mire. Istoriya i sovremennost': materialy Vseros. nauchno-teoret. konf., posvyashchennoy pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora Vsevoloda Ivanovicha Dulova (Irkutsk, 28 aprelya 2020 g.). Irkutsk: Izd-vo «Ottisk», 2020. P. 148–155.
- Lurie M. L.** O fenomene «naivnogo» sochinitel'stva [On the phenomenon of «naive» writing] // «Naive literature»: studies and texts. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation, 2001. P. 15–28.
- Lyubimova G. V.** Russkie Sibiri: problemy ekologicheskoy adaptatsii agrarnykh pereselentsev konca XIX — nachala XX veka [Russians of Siberia: problems of ecological adaptation of agrarian migrants of the late XIX — early XX century] // Balandinsky readings. 2018. Vol. XIII. P. 518–522 (in Russian).
- Mazur L. N.** Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoy pamyati [The image of the past: the formation of historical memory] // Proceedings of the Ural Federal University. Ser. 2. Humanities. 2013. No. 3 (117). P. 243–256. (In Russian)
- Mainicheva A. Yu.** Obrazovanie poselenij v istoricheskoy pamyati russkikh [The formation of settlements in the historical memory of Russians] // Balandinsky readings. 2014. P. 64–66 (in Russian).
- Malinovskiy A. A.** Byl' o rodnym [The true story about relatives] // I tell you, dear ones, the true story...: a collection of memoir texts of residents of the Tomsk region/comp. T. A. Goncharova, G. V. Grosheva. Tomsk: TsNTI Publishing House, 2019. P. 41–65 (in Russian).
- Ryndina O. M.** Obraz Sibiri v kollektivnykh perezhivaniyakh rossijskikh nemtsev [The image of Siberia in the collective experiences of Russian Germans] // KUNSTKAMERA. KUNSTKAMERA. 2018. No. 2. P. 162–168 (in Russian).
- Ryabchikova F. N.** Vsem bylo ne sladko. 2015 [It was not sweet for everyone. 2015] // Siberians free and involuntary: memorial project website. URL: <https://xn--90anbaj9ad0j.xn--80asehdb/documents/vsem-bylo-ne-sladko> (accessed 10.10.2022).
- Repina L. P.** Personal'nye teksty i «novaya biograficheskaya istoriya»: ot individual'nogo opyta k social'noj pamyati [Personal texts and «new biographical history»: from individual experience to social memory] // The Creation of History. Man – Memory – Text. Kazan: KSU Publishing House, 2001. P. 344–360 (in Russian).
- Tishkov V. A.** Rekviem po etnosu: Issledovaniya po social'no-kul'turnoj antropologii [Requiem for Ethnos: Studies in socio-cultural anthropology]. Moscow: Nauka, 2003. 544 p. (in Russian)
- Harina E. R.** [Untitled] // I tell you, dear ones, the true story...: a collection of memoir texts of residents of the Tomsk region / comp. T. A. Goncharova, G. V. Grosheva. Tomsk: TsNTI Publishing House, 2019. P. 68–91.
- Shestakov V. M.** Krutye povoroty (A kak eto bylo?) [Sharp turns (And how was it?). Pervomayskoye [Tomsk region]: Publishing House of the Tomsk Central Research Institute, 2011. 154 p. (in Russian)
- Shcheglova T. K.** Zhilishche raskulachennykh i deportirovannykh v usloviyakh prinuditel'nykh pereselenij 1920–1940-h godov: material, tekhnologii i tipy po ustnym istoricheskim istochnikam [The dwelling of the dispossessed and deported in the conditions of forced resettlement of the 1920s–1940s: material, technologies and types according to oral historical sources] // Materials of the International Scientific and Practical. conf. "To know so as not to forget: totalitarian power and the people in the 20s–early 50s of the XX century" May 30–31, 2014: Ust-Kamenogorsk: "Media Alliance", 2014. P. 554–571 (in Russian).

Shcheglova T. K. Sociokul'turnaya i hozyajstvennaya adaptaciya stolypinskih pereselencev na Altae na protyazhenii 1910–1980-h godov: strategii i rezul'taty (po materialam polevyh issledovanij) [Socio-cultural and economic adaptation of Stolypin settlers in Altai during the 1910s–1980s: strategies and results (based on field research materials)] // Bulletin of Altai Science. 2014. No. 1. P. 252–257 (in Russian).

Shcheglova T. K. Ustnaya istoriya (Oral history) kak metod i istochnik etnograficheskikh issledovanij sel'skogo naseleniya v kontekste istoricheskikh sobytij XX – nachala XXI stoletij [Oral history as a method and source of ethnographic research of the rural population in the context of historical events of the XX–early XXI centuries] // Oral history: life strategies and everyday practices of the rural population of the South of Western Siberia during the Great Patriotic War. URL: collection of scientific articles and sources. Barnaul: Altstu, 2017. P. 22–39.

Goncharova Tatyana Aleksandrovna.

Candidate of historical sciences.

Tomsk State Pedagogical University.

Kievskaja St., 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: gta.76@mail.ru